

УДК 82.0(091)

**РАССКАЗ КАК ФОРМА КРИТИКИ:
К ВОПРОСУ О ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПУТАЦИИ
А.П. ЧЕХОВА**

О.В. Морозова

Аннотация

В статье на материале рассказа З.Н. Гиппиус «Голубое небо», прототипом главного героя которого является А.П. Чехов, раскрывается проблема литературной репутации писателя. Рассказ рассматривается как форма критического осмысления личности и творчества литератора. Отмечено, что предложенная Гиппиус трактовка личности и художественного наследия Чехова сыграла определённую роль в формировании на рубеже XIX – XX веков «чеховского мифа».

Ключевые слова: литературная репутация, рубеж XIX – XX веков, принципы житнетворчества, «чеховский миф».

Общеизвестно, что осмысление творчества какого-либо писателя, оценка его художественных открытий даётся, как правило, в критических статьях, рецензиях либо в литературоведческих научных исследованиях. Иные формы критики встречаются не так уж часто. Одной из таких не совсем обычных форм является изображение одного писателя другим в художественном произведении. Говоря так, мы не имеем в виду аллюзии и реминисценции, пародии, а также произведения, подобные «Литературным анекдотам» Даниила Хармса, где действуют персонажи, носящие имена Пушкина, Лермонтова, Гоголя и Толстого, но при этом герои – всего лишь куклы, лишённые характера, души и не имеющие никакого отношения к писателям, имена которых носят.

Художественное произведение как форму критики можно встретить нечасто. На наш взгляд, можно выявить некоторую закономерность обращения писателей к подобным опытам. Прежде всего, потребность в создании художественного произведения как формы критики возникает в те периоды, когда приобретает особенную актуальность вопрос о литературной репутации писателя. Последняя, как известно, складывается из произведений автора, отзывов на них критиков и отношения – в некоторых случаях – рядовых читателей, а также из бытового поведения художника. Кроме того, объектом критического осмысления в рамках художественного произведения становится преимущественно особенно яркая фигура, наиболее выдающаяся личность. И, наконец, нужно отметить, что обращение писателя-критика к форме художественного произведения объясняется и его собственной потребностью лучше понять исследуемый объект, создав по его образу и подобию своего героя, наделив его определённым набором черт,

характерных для писателя, послужившего прототипом, и заставив этого героя действовать в определённых условиях.

При этом создание художественного образа не адекватно критическому восприятию. Художественность даёт ряд новых возможностей по сравнению с традиционными формами критики: сама по себе форма художественного произведения предполагает не такое точное воспроизведение деталей, связанных с человеком, послужившим прототипом героя, как это имеет место в более привычных критических жанрах. Критик отбирает самые существенные, с его точки зрения, детали, характеризующие писателя. Кроме того, в подлинно художественном произведении неизбежно возникают дополнительные смыслы, некоторые характерные черты могут сообщаться автором герою и ненамеренно. А это значит, что автор смело может использовать в тексте любые сведения о своём герое, в том числе информацию из неофициальных источников, слухи и т. д.

Период конца XIX – начала XX века был временем, когда вопрос о бытовом поведении любого писателя приобретал особую значимость: вступали в силу «принципы жизнотворчества», согласно которым художник должен не только совершать открытия в мире литературы, но и из собственной повседневной жизни создавать некий шедевр. Для воплощения образа гения в повседневности писатели пользовались такими приёмами, которые на сегодня могут вызвать только улыбку. В ход шли: имитация дефектов речи (решение не выговаривать «р» или по несколько согласных сразу), манера говорить «необычно» – растягивать слова или же «завывать», читая собственные стихотворения, высказывать суждения «наоборот», говорить резко, таинственно отмалчиваться или предлагать разным собеседникам разные версии, когда те спрашивают, например, намерен ли поэт быть сегодня на вечере в гостях; манера одеваться вызывающе (так, в начале XX века женщины начали носить мужские костюмы, ярко красить губы, пудриться прямо за ужином и т. д.). Были также и далеко не невинные методы создания себе славы, в числе которых, к примеру, воспевание смерти и намеренное доведение человека до самоубийства (например, известен такой факт из жизни В.Я. Брюсова).

Притом, что русская литература рубежа XIX – XX веков пестрит яркими именами поэтов и писателей, многие из которых особенно заботились о своей репутации и поражали читающую публику далеко не только художественными открытиями, среди всех выделяется фигура человека, которому всегда глубоко чуждо было театральное, вызывающее поведение и ношение каких-либо сакрально-мистических масок; писателя, которого называли «запоздалым классиком», поскольку в его творчестве репрезентировалась смена эпох в русской литературе – от критического реализма Золотого века к символизму и его производным века Серебряного; писателя, которого любили или ненавидели, но никак *не относятся* к нему было невозможно. Речь идёт об Антоне Павловиче Чехове.

Эта фигура тем более примечательна для нас, что «чеховский миф», начавший формироваться в конце XIX века, – устойчивая система штампов, касающихся творчества, взглядов, манеры письма, внешности, бытового поведения, отношения писателя к людям и жизни, – сопоставим разве что с мифом о Пушкине: настолько велик был интерес к Чехову.

Прежде всего, Чехова воспринимали как «певца хмурых людей». Сам писатель с такой оценкой был категорически не согласен: « – Покорно вас благодарю! Напишут о ком-нибудь тысячу строк. А внизу прибавят: “А вот ещё писатель Чехов: нытик...” А какой я нытик? Какой я “хмурый человек”, какая я “холодная кровь”, как называют меня критики? Какой я “пессимист”? Ведь из всех моих вещей самый любимый мой рассказ – “Студент”. И слово-то противное: “пессимист”...» [1, с. 484].

Узнаваемые черты характера писателя, которые отмечали в своих воспоминаниях очень многие, если не все мемуаристы, – тактичность, деликатность, уважение к каждому человеку, – становясь составляющей мифа о Чехове, трактовались современниками по-разному. Например, в воспоминаниях И.А. Бунина читаем: «Долго иначе не называли его, как “хмурым” писателем, “певцом сумеречных настроений”, “больным талантом”, человеком, смотрящим на всё безнадежно и равнодушно. Теперь гнут палку в другую сторону. “Чеховская нежность, грусть, теплота”, “чеховская любовь к человеку...” Воображаю, что чувствовал бы он сам, читая про свою “нежность”! Ещё более были бы противны ему “теплота”, “грусть”. Говоря о нём, даже талантливые люди порой берут неверный тон. Например, Елпатьевский: “Я встречал у Чехова людей добрых и мягких, нетребовательных и неповелительных, и его влекло к таким людям. Его всегда влекли к себе тихие долины с их мглой, туманными мечтами и тихими слезами...” Короленко характеризует его талант такими жалкими словами, как “простота и задушевность”, приписывает ему “печаль о призраках”. Одна из самых лучших статей о нём принадлежит Шестову, который называет его беспощаднейшим талантом» [1, с. 489–490]. Чехов воспринимался как абсолютно «правильный», «нормальный» писатель, который понимает всю ничтожность современного человека, но не презирает его, а относится, напротив, с большим снисхождением.

Независимо от того, как современниками трактовались многочисленные «штампы», характеризующие «чеховский миф», следует признать, что адекватного, «незашоренного» восприятия чеховского творчества просто не существовало, даже (а может быть – особенно) у культурной элиты рубежа веков.

Одной из представительниц той самой культурной элиты была З.Н. Гиппиус, проявившая себя как поэт, прозаик, литературный критик, общественный деятель. Гиппиус сыграла не последнюю роль в том, что в творческих кругах рубежа веков было узаконено экстравагантное поведение и тяга к театральным эффектам. К вопросу о взаимоотношениях Чехова с четой Мережковских обращались такие исследователи, как А.П. Чудаков [2], Н.В. Капустин [3], Е. Толстая [4] и др. История знакомства писателей, таким образом, неоднократно освещалась в научной литературе, поэтому подробно останавливаться на этом мы не станем, отметим лишь наиболее существенные для нашего исследования детали.

О Д.С. Мережковском Чехов всегда отзывался доброжелательно, с симпатией и уважением, признавая, впрочем, разность мировосприятий: «...Как бы это я ужился под одной крышей с Д.С. Мережковским, который верует определённо, верует учительски, в то время как я давно растерял свою веру и только с недоумением поглядываю на всякого интеллигентного верующего. Я уважаю Д.С.

и ценю его, и как человека, и как литературного деятеля, но ведь воз-то мы если повезём, то в разные стороны» (ПЧ, т. 11, с. 234).

Что же касается отношения Чехова к Гиппиус, то оно, пожалуй, более однозначно: неприятие. Сам Мережковский неоднократно упоминал об этом в своих сочинениях, правда, часто в завуалированной форме: «С нами была молоденькая декадентка, в те времена явление – редкое. Чехов с любопытством приглядывался. Видя, как ухаживает за декаденткой какой-то юный поэт, Чехов заботливо отвёл его в сторону.

– Голубчик...

– Что?

– Голубчик, женитесь вы на нормальной женщине.

Поэт долго вспоминал потом этот “завет Чехова” и его “Голубчик” – с мягким южным “Г”, как он всегда произносил» [5, с. 250].

Гиппиус не принадлежала к числу явных недоброжелателей Чехова, но она, в свою очередь, отвергала чеховскую «нормальность», и во многом её отношение к писателю, на наш взгляд, опирается прежде всего именно на «чеховский миф». Вместе с тем налицо явная заинтересованность, попытка писательницы самой лучше понять Чехова, его взгляды, мотивы его поступков.

Рассказ З. Гиппиус «Голубое небо» впервые был опубликован в сборнике «Новые люди» в 1896 году. В это время формируется «чеховский миф», и автор рассказа ставит перед собой задачу осмыслить творчество Чехова¹ (прототипом главного героя был именно он) и решить вопрос о том, как относиться к личности и творчеству писателя.

Сюжет рассказа прост: начальник почтово-телеграфного отделения Антон Антонович Зайцев собирается жениться, совершает все необходимые приготовления для предстоящей свадьбы и начала счастливой семейной жизни (за то время, что идут все эти приготовления, читатель успеваеt познакомиться с образом мыслей, жизненным укладом, привычками и взглядами героя). Однако возлюбленная Антона Антоновича отвечает отказом на его предложение руки и сердца, и оскорбленный герой, уходя, обдумывает сюжет для своей будущей новеллы «Развенчанный кумир».

Выше мы уже упоминали о том, что форма художественного произведения не предполагает точного следования фактам. Однако в образе Антона Антоновича Зайцева типичные чеховские черты обнаруживаются как в портрете и биографических моментах, так и – что значительно важнее – на мировоззренческом уровне, что и позволяет нам, рассматривая рассказ «Голубое небо» как критическое произведение, понять подлинную цель автора.

В портретном описании героя Гиппиус сохранены чеховские «фирменные» усы и борода, «на тоненьком носу у него всегда было дымчатое *rinse-pez*, которое сильно сжимало переносье» (ГН, с. 45). Антон Антонович был худощавый, «и лет ему можно было дать от двадцати до сорока» – ещё одна важная

---

¹ В книге Ю. Зобнина высказано предположение о том, что прототипом главного героя в рассказе З.Н. Гиппиус «Голубое небо» является не Чехов, а некий Якобсон, дом которого описан в произведении. Однако данная гипотеза представляется нам несостоятельной, поскольку нет никаких её доказательств, кроме того, что в произведении описан дом, принадлежащий этому человеку [6].

деталь, позволяющая узнать в образе героя рассказа Гиппиус А.П. Чехова, которого писательница нередко называла человеком «без возраста».

Имеется также ряд деталей, касающихся биографии А.П. Чехова, например: «Я всегда знал, что должен делать, и делал, что должен. Я не стыжусь своего происхождения. *Мой дед был слесарь, а папаша – самый мелкий чиновник в Одессе.* <...> Однажды я узнал горестное и прискорбное обстоятельство, а именно – что *папаша не все деньги, на которые мы живём, добывал честным трудом.* <...> Я ушёл. *И вот мне двадцать восемь лет, и всё моё положение: место, роль, которую я играю в обществе, – всего этого достиг я сам, я один, своей настойчивостью и работой.* Я – полезный член общества, у меня обязанности, долг, я на хорошем счету и легко могу получить перевод и повышение. Кроме того – вы знаете мою мечту жизни, мою отраду – это занятие литературой и поэзией»¹ (ГН, 57).

История Антона Антоновича напоминает историю А.П. Чехова, дед которого был крепостным, а у отца была своя бакалейная лавка, в которой тот, как и отец героя рассказа, не совсем честно вёл торговлю и наконец разорился. Чехов, как и герой рассказа Гиппиус, стыдился нечестности своего отца и не мог простить ему до конца жизни насилия и жестокости по отношению к родным, прежде всего к матери. Чехов, как и Зайцев, мог бы сказать, что достиг всего исключительно «своей настойчивостью и работой». С большой долей вероятности можно предположить, что обо всех этих (как и о многих других) обстоятельствах жизни А.П. Чехова Гиппиус черпала сведения от А. Суворина.

Кроме того, в тексте рассказа «Голубое небо» присутствует ещё целый ряд разнообразных деталей, не позволяющих внимательному читателю усомниться в том, кто был прототипом главного героя. Например: отец Антона Антоновича обращается к своему сыну «*Антоша*» (намёк на один из известнейших псевдонимов Чехова – «Антоша Чехонте»); в произношении у него слышится «*изрядный немецкий акцент*» (ГН, с. 45) – Чехов, приехавший из провинции, некоторое время говорил с заметным южным акцентом. Антон Антонович (сложно не обратить внимания и на само имя героя), как и Чехов, пишет прямым ровным почерком, занимается художественным творчеством, а любимый его жанр – новелла. «Первая встреча с Людмилой [возлюбленной героя] четыре года тому назад была описана у него в беллетристической форме под заглавием “Розовое видение”» (ГН, с. 51). Создание произведений с опорой на биографический материал не было чуждо и Чехову: таков, например, рассказ «Попрыгунья», а название «Розовое видение» в данном случае не что иное, как пародия на чеховского «Чёрного монаха» (1893). К «Чёрному монаху» отсылает и такая деталь в произведении Гиппиус: «над небольшим окошком, где принимаются телеграммы и заказные письма, *красиво сплетены из сухих трав и листьев цветы, означающие время приёма корреспонденции*». В повести Чехова из слив также была сплетена «цифра, означавшая год, когда Песоцкий впервые занялся садоводством» – 1862 (ПЧ, т. 8, с. 227).

Говоря о Чехове, современники часто отмечали: «это был как будто самый обыкновенный человек. <...> В какой-нибудь компании его трудно было отличить

¹ Здесь и далее в приводимых цитатах курсив наш.

от других: ни умных фраз, ни претензий на остроумие. <...> Всё в нём было просто и натурально» [7]. И в рассказе Гиппиус всё, что касается характера главного героя, выдаёт в нём очень честного, порядочного, абсолютно «нормального» человека. Приведём цитату: «И он несколько раз повторил, что *если он на что-нибудь решится, то уже не перерешиит, что поступает всегда глубоко обдуманно, что время для него не помеха. Ибо он терпелив, настойчив и постоянен*» (ГН, с. 46).

В данном случае «нормальность» героя (казалось бы, при стольких его достоинствах: ответственность, чувство долга, честность, добросовестность и прочее) осознаётся как ущербность. Антон Антонович до странного, до смешного «нормален». Это мешает ему подняться выше чего-то будничного и повседневного, и любые его начинания заведомо обречены на провал. И действительно, в конце рассказа возлюбленная отказывается выйти за него замуж.

Таким образом, можно, на наш взгляд, рассматривать рассказ З.Н. Гиппиус «Голубое небо» как пример художественного произведения, главной целью автора которого было критическое осмысление творчества и личности другого писателя. Мы видим в образе Антона Антоновича Зайцева те же основные черты характера, которые современники признавали за Чеховым. Можно сказать, что важнейшая черта персонажа, проявляющаяся буквально во всех его словах и поступках, – это пресловутая «нормальность», качество, которое Гиппиус считала серьёзным препятствием для полноценного творчества, качество, несовместимое, по её мнению, с гениальностью. Следовательно, рассказ «Голубое небо» можно считать одним из источников, по которым выясняется отношение З. Гиппиус к Чехову, к его творчеству и бытовому поведению, и можно судить о том, насколько многое в восприятии писательницы совпадало со сложившимся впоследствии (не без участия Гиппиус) «чеховским мифом».

Summary

O.V. Morozova. A Short Story as a Form of Criticism: Towards the Problem of Chekhov's Literary Reputation.

The article deals with a problem of literary reputation of A. Chekhov, who was the prototype of the main character in Z. Gippius' story "The Blue Sky." The story is studied as a form of critical analysis of Chekhov's personality and creative activity. It is noted that Z. Gippius' treatment of Chekhov's personality and literary heritage influenced the formation of "Chekhov's myth" at the turn of the 20th century.

Key words: literary reputation, turn of the 20th century, "life-creating" principles, "Chekhov's myth."

Источники

ГН – *Гиппиус З.Н.* Голубое небо // Гиппиус З.Н. Чёртова кукла: Проза. Стихотворения. Статьи. – М.: Современник, 1991. – С. 45–57.

ПЧ – *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т.: Письма: в 12 т. – М.: Наука, 1974–1986.

Литература

1. А.П. Чехов в воспоминаниях современников / Сост., подгот. текста и коммент. Н.И. Гитович; Вступ. ст. А.М. Туркова. – М.: Худож. лит., 1986. – 744 с.
2. Чудаков А.П. Чехов и Мережковский: два типа художественно-философского сознания // Чеховиана: Чехов и «серебряный век»: Сб. ст. – М.: Наука, 1996. – С. 50–67.
3. Капустин Н.В. З. Гиппиус о Чехове (К вопросу об античеховских настроениях в культуре «серебряного века») // Чеховиана. Из века XX в XXI: итоги и ожидания: Сб. ст. – М.: Наука, 2007. – С. 176–188.
4. Толстая Е. Поэтика раздражения: Чехов в конце 1880 – начале 1890-х годов. – М.: РГГУ, 2002. – 366 с.
5. Мережковский Д.С. Брат человеческий // Мережковский Д.С. Акрополь: избранные литературно-критические статьи. – М.: Книжн. палата, 1991. – С. 246–253.
6. Зобнин Ю. Дмитрий Мережковский: Жизнь и деяния. – URL: http://www.fictionbook.ru/author/yurii_zobnin/dmitriyi_merejkovskiyi_jizn_i_deyaniya/read_online.html?page=4, свободный.
7. Суворин А.С. Маленькие письма // Новое время. – СПб., 1904. – 4 июля. – № 10179.

Поступила в редакцию
24.01.12

Морозова Ольга Владимировна – аспирант кафедры русской литературы Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: Olge1988@list.ru